

«Был в арсеналах и в королевских домах, и где льют медные всякия штатуи»: парижские маршруты царя

Драгой берег Сенски!
Кто тя не любит? Разве был дух зверски?

В.К. Тредиаковский. 1728 год

Василий Кириллович Тредиаковский, впервые воспевавший Париж русскими стихами, признавался, что никогда не сможет забыть берегов Сены. Пётр I тоже неоднократно вспоминал о своем пребывании в столице Франции. Ему могла напоминать об этом картина Хендрика Моммерса «Вид Нового моста в Париже», которая сегодня висит в кабинете-«конторке» царя в реконструированном Зимнем дворце. Городской пейзаж, написанный голландским художником в 1660-е годы, происходит из личной коллекции Петра¹.

Знакомство с Парижем занимало заметное место в напряженном графике царского визита. Пётр I и его спутники заранее знали, что «город здешний велик и строением хорош и богат <...> есть чего смотреть»². Царь в письме к жене выказывал горячее желание «все-го смотреть»³ в Париже. Походный журнал царя, свидетельства французской прессы и воспоминания современников позволяют в деталях представить парижские маршруты Петра. Вышедшее в 1717 году

¹ Побединская А.Г. Голландские картины из коллекции Кунсткамеры // Из истории петровских коллекций: сб. научн. трудов. Памяти Н.В. Калязиной. СПб., 2000. С. 150–152.

² Бантиш-Каменский Д.Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, с портретами их. М., 1821. Ч. 2. С. 132.

³ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 66.

седьмое издание книги Жермена Бриса «Описание города Парижа и всего того, что в нем есть наиболее примечательного»⁴ вместе с гравированными видами города того времени и современными исследованиями по истории и архитектуре Парижа позволяют реконструировать его внешний вид в то время, когда с ним знакомился высокий русский гость. Что же касается городских и архитектурных впечатлений Петра, то они зафиксированы в источниках более скудно. Тем не менее, они позволяют сделать некоторые заключения о вкусах и предпочтениях царя, о влиянии его городских впечатлений на культурную политику.

Историки, описывавшие Париж эпохи регентства, обычно подчеркивают его отличие от современного города, его тогдашний почти средневековый облик. Р. Масси в известной биографии Петра Великого писал: «В 1717 году город представлял собой путаницу узких улиц, застроенных домами в четыре-пять этажей, с островерхими крышами. Башни-близнецы Нотра-Дама возвышались над городом, но полюбоваться прославленным собором было невозможно — на месте нынешней площади перед ним разбегались густо облепленные домами крохотные улочки <...> Целыми днями парижский люд кишел на улицах. Пешеходы подвергались постоянной опасности со стороны верховых, карет и телег, которые едва протискивались по узким проездам, забитым людьми. Грохот колес с железными ободами и крики толпы просто оглушали. Кошмарная вонь поднималась от экскрементов, которые выплескивали прямо из окон, от навозных куч и из тех дворов, где мясники забивали животных. Каждый день на улицах разбрасывали свежую солому, чтобы колеса не так грохотали и город выглядел хоть чуточку опрятнее, а потом грязную солому сметали и топили в реке»⁵. Правда, автор уточнил, что Людовик XIV стал постепенно менять облик средневекового города.

Известный знаток Парижа искусствовед М.Ю. Герман в биографии современника царя художника Антуана Ватто живописует: «А сам город — он грязен, душен, суетлив; боязнь поскользнуться в вонючих лужах мешает любоваться великолепием тюильрийских фасадов, к Сене не подойти по топким берегам, а там, где набережные хоть на что-то похожи, купают лошадей, ловят рыбу, жарят её на кострах и продают похлебку; за мутной рекой развалины средневековой Нельской башни, мосты застроены тесными, как соты лавчонками, везде торгуют — в лавках, с тележек, с лотков, из мешков,

⁴ *Brice G.* Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. Paris, 1717. Т. 1–3.

⁵ *Massu P.K.* Петр Великий: в 3 т. Смоленск, 1996. Т. 3. С. 101–102.

из карманов, из-за пазухи, торгуют и ворованным — в Париже на полмиллиона горожан сорок тысяч профессиональных воров. Ночью страшно, как на войне, фонарей почти нет, да и зажигают их лишь в безлунные ночи. Можно утонуть в канаве, получить удар кинжала в спину<...>»⁶.

Почти все в этих колоритных картинах верно. (Уточню: на месте Нельской башни уже в 1665—1683 годах было построено эффектное здание Коллежа Мазарини; берега Сены к началу XVIII века были облицованы камнем, а три новых моста не были застроены домами). Однако оба этих описания представляют собой взгляд на Париж начала XVIII века из сегодняшнего города. Между тем совершенно очевидно, что современники видели другой город: древний, но в то же время растущий и обновляющийся. Русский дипломат А.А. Матвеев, приехавший в столицу Франции в 1705 году из чистого и спокойного Амстердама, писал: «Город Париж нашел я втрое болши Амстердама. И людства множество в нем неописанное, и народа убор и забаву в веселии их несказанную. И хотя обносилось, что оне утеснены от короля, то неправда, все в своих волях без всякой тесноты и в уравнии прямом состоят. И никто от велмож и от потданных нимало не озлобляются, все своих радостей употребляются, как надлежит потданным от отца отечества. И ниже узнать возможно, что оне такую долговременную и тяжкую ведут войну»⁷. Париж с его вольнолюбивым и веселым духом ослепил и покори́л Матвеева, поразил своим оживлением, показался втрое больше самого большого города Голландии, хотя на деле их население было примерно одинаковым. Матвеев оставил первое русское подробное описание столицы Франции, впрочем, заимствуя описания города из французских книг. Как заметил В. Берелович, Матвеев описывал Париж как город, организованный вокруг регулярных площадей, в центре которых находились статуи королей, описывал как модель — прообраз того, чего еще не было в России, но что он хотел бы там видеть⁸.

Современные историки парижской архитектуры утверждают, что к концу царствования Людовика XIV значительно изменилась сама урбанистическая структура и общий пейзаж города. Город повернулся лицом к реке, которая превращалась в его главную пространственную ось; появились монументальные площади, ставшие образцовыми для всей Европы; целые улицы приобрели регулярный

⁶ Герман М.Ю. Антуан Ватто. Л., 1984. С. 12.

⁷ РГАДА. Ф. 93. 1705. Д. 2. Л. 3.

⁸ Berelowitch W. Aux sources d'un model à construire: la France de 1705 vue par un Russe // De Russie et d'ailleurs. Feux croisés sur l'histoire. Pour Marc Ferro / Textes recueillis et édités par M. Godet. Paris, 1995. P. 401, 403.

вид, дома с узкими островерхими фасадами заменялись постройками, у которых крыши выходили на улицу своими скатами, которые вместе с карнизами формировали новый горизонтальный силуэт; золоченые купола (наряду с прежними шпилями и колокольнями) стали заметными городскими доминантами; зеленый пояс бульваров частично опоясал Париж⁹.

Париж начала XVIII века — это огромный по тогдашним меркам город с населением 700000 человек¹⁰. Окруженный предместьями, он утратил свои средневековые укрепления — на правом берегу вместо них появились обсаженные деревьями бульвары. Ворота города было решено заменить новыми в виде триумфальных арок, которые должны были лишь украшать въезд на главные улицы города (из пяти «ворот», построенных в классическом стиле, до наших дней сохранилось двое — Сен-Дени и Сен-Мартен). Берега Сены постепенно превращались в главную архитектурную панораму, в своеобразный парадный фасад города. К 1715 году в Париже было 8 каменных мостов, между которыми были устроены набережные с облицованными камнем подпорными стенами и замощенной проезжей частью. Незагроможденные постройками мосты (Новый, Королевский и де ла Турнелль) стали своеобразными смотровыми площадками, с которых открывался вид на город. Еще со времени Генриха IV забота о столице, о её застройке и чистоте стала рассматриваться как обязанность короля, а знаковые городские постройки — как средство увековечивания памяти монарха. В Париже появились скульптурные памятники королям, причем первая конная статуя Генриха IV была установлена на Новом мосту. Одновременно были устроены регулярные площади, ставшие обрамлением для королевских памятников. Дворцы, церкви, здания общественного назначения стали важнейшими акцентами городской застройки, формировали общий силуэт города. К резиденциям правителей примыкали регулярные сады, которые становились доступными для публики.

Королевские указы регламентировали городскую застройку: запрещалось строительство деревянных домов, регулировалась их высота. Городские дома строились в основном из тесаного камня, перекрывались двух- или четырехскатными крышами с переломом. Некоторые новые участки городской застройки (берег Сены напротив Лувра, остров Сен-Луи и др.) получили геометрически правильную планировку. Несомненно, что русский царь оказался восприимчивым и равнодушным к новым чертам парижского урбанизма.

⁹ Courtin N. Paris Grand Siècle. Places, monuments, églises, maisons et hotels particuliers du XVII-e siècle. Paris, 2008. P. 12–13.

¹⁰ Ibid. P. 64. Многие авторы пишут о полумиллионном населении города.

Пожертвовав три первых дня пребывания в Париже протокольным встречам, Пётр I поторопился наверстать упущенное «смотрение» уже 11 мая. По словам царского секретаря барона Черкасова, приехав в Париж, Пётр «назначил себе сам чертеж и собственное расписание особенных вещей, о которых он там спросить и их рассмотреть хотел»¹¹. Черновик подобного «расписания», составленный рукой Конона Зотова и содержащий собственноручные заметки царя, имеется в кабинетском архиве:

«Роспись куриозным вещам в Париже. Тулери, где король живет. Там же огород, в котором всякому позволено гулять. Кур или проезд, где проезжаются для гуляния в коретах. Лувр, которой еще неотделан. Галереи в Лувре, в ней живут славные художники (в ней еще есть планы всем городам укрепленным во Франции). Шелдирей королевския. Люксембурх, в нем галерея писана славным живописцем господином Рубенс. Обсерватор и в нем многия куриозныя вещи. Мануфактуры в Гобелене. Стекляныя заводы. Арсенал. Палаты, где собирается парламент. Дом, где солдаты и офицеры за старость и за службу содержатся. Огород королевский, где всякия травы сажаются, и там же показывают анатомию и химику. Помпа на нотродамском мосту для проводу воды во все помпы в Париже. Машина и помпа на новом мосту. Пляс рояль. Пляс Людвига Великого. Пляс де виктуар. Многия церкви в Париже. Сорбона. Монах Себастьян математик. Кабинет господина Дезомбре. Дом Тулуза. Дом Субиза, перед тем де Гвиза. Коллегия четырех наций, где гроб кардинала Мазарина»¹².

Можно утверждать, что царь посетил все названные здесь парижские достопримечательности. Почти все они легко идентифицируются, за исключением, пожалуй, «шелдирей королевских», под которыми следует понимать собрания живописи — картинные галереи (от голландского глагола *schilderen* — рисовать, писать маслом).

Еще один путеводитель царь получил от герцога Л.А. д'Анте́на. По словам журналиста, 10 мая Пётр попросил услужливого вельможу снабдить его описанием Парижа и был очень удивлен, получив «через два часа» такое описание, переведенное на русский язык. Восхищенный царь признал, что «только французы способны на такую обходительность»¹³. С большой долей вероятности можно утверждать, что в дан-

¹¹ [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 63.

¹² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 88, ч. 1. Л. 17–17 об.

¹³ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717. P. 191.

ном случае речь идет о рукописи «Описание знатных домов во Франции», сохранившейся в составе библиотеки царя¹⁴. Она представляет собой перевод на русский язык подписей в альбоме гравюр, впервые изданном в 1680-е годы Адамом Перелем (Perelle) «Les places, portes, fontaines, eglises, et maisons de Paris» («Площади, ворота, фонтаны, церкви и дома Парижа»)¹⁵. Сам альбом, вероятно, тоже был приложен к русскому описанию. Не исключено, что аналогичные гравюры были присланы Петру в 1715 году под названием «Recueil des veües et perspectives des plus belles maisons de France. 260 Planches» («Сборник видов и перспектив самых прекрасных домов Франции. 260 гравюр»). Гравюры альбома представляли наиболее выгодные виды французской столицы, в первую очередь панорамы набережных и острова Сите, а также изображения значительных архитектурных памятников и садов. Подписи к гравюрам в некоторых случаях сдержали подробные сведения об истории создания и авторах построек. Едва ли принимающая сторона могла обойтись в данном случае без помощи русского переводчика, в качестве которого скорее всего выступал все тот же Конон Зотов¹⁵. Таким образом, Пётр с помощью этого русскоязычного «путеводителя» мог заранее планировать свои поездки и получать необходимую историко-культурную и архитектурную информацию.

С утра 11 мая царь осмотрел находившиеся рядом с отелем Ледигер Большой и Малый Арсеналы, представлявшие собой целый комплекс зданий, дворов и садов¹⁶. Сооруженные в XVI—XVII веках, они служили для хранения оружия и амуниции, производства пороха и литья пушек, а также в качестве резиденции начальника королевской артиллерии¹⁷. С 1684 года братья Келлеры приспособили Арсенал для

¹⁴ ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55.

¹⁵ О. Медведкова полагает, что перевод подписей был выполнен для переиздания гравюр в Петербурге. — *Medvedkova O. La bibliothèque d'architecture de Pierre le Grand. Entre Curiosité et Passion // Cahiers du Monde Russe. 2006 № 47/3. P. 499.*

¹⁵ Терминология в области архитектуры и искусства в русском языке не была разработана, и переводчику самостоятельно пришлось искать необходимые эквиваленты. Так, слову «набережная» (quai) в рукописи соответствует «берег», слову «площадь» (place) — «пляца», «статуя» пишется как «статута», «дворец» как «полаты», переводчик вводит слова «партер», «боскет», «перспектива», «бассин» (бассейн), «замок».

¹⁶ В царском «путеводителе» значилось: «Арсенал есть магазин пороховой, где лежат ружья и воинские вещи королевские, также и литейный двор, и жилище фельдцейхмейстера <...> где есть великой сад, в котором всем гулять волно». — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 19 об.

¹⁷ Из всех сооружений Большого и Малого Арсеналов до наших дней дошла лишь резиденция де Сюлли, служившего фельдцейхмейстером артиллерии в 1594—1610 годах. В этом здании, модифицированном в XIX веке, ныне находится Библиотека Арсенала, являющаяся частью Национальной библиотеки Франции.

лития бронзовых статуй, предназначенных для королевских резиденций. Эти знаменитые литейщики изобрели новый вид бронзы, что позволило им внедрить технологию единой заливки, использованную при изготовлении гигантской конной статуи Людовика XIV работы Ф. Жирардона. Об этом сообщал парижский путеводитель 1717 года:

«Большое пространство Арсенала разделено на несколько частей, наиболее значительная из которых отведена под сад, господствующий над городским рвом и над рекой, с которой открывается приятный широкий обзор. Остальное пространство занято сообщающимися дворами, имеющими простые постройки только с одной стороны. В 1715 году все старые грубые строения были разрушены. Кажется, должны на их месте возвести другие, но пока еще не видно, что будет здесь построено <...> При маркизе Лувуа был учрежден литейный двор в Арсенале, чтобы делать копии с многочисленных античных и современных статуй, служащих для украшения королевских резиденций. Это предприятие было доверено Жану-Бальтазару Келлеру, уроженцу Цюриха в Швейцарии (ум. в 1702 году), имевшему уникальный опыт работ подобного рода. В его похвалу можно сказать, что никто не продвинулся дальше него в искусстве металлического литья и не предпринимал больших работ в этом роде. Это видно на примере конной статуи короля, установленной на площади Людовика Великого и других произведений, вышедших из его рук, большую часть которых можно увидеть в Версале. Здесь когда-то отливали артиллерийские орудия, но некоторое время назад нашли более удобным производить их на границах, в городах тех провинций, где обычно находятся войска»¹⁸.

В Походном журнале царя отмечено: «В 30 день пред полуднем его царское величество был в арсеналах и в королевских домах, и где лют медные всякие штатуи <...>»¹⁹. По-видимому, именно новая технология отливки бронзовых статуй, применявшаяся в Арсенале, привела сюда русского царя, совместившего этот визит с осмотром памятников французским королям.

Затем царь побывал на площадях, украшенных статуями королей. Сначала он совершил прогулку по Королевской площади²⁰ (ныне

¹⁸ Brice G. Description de la ville de Paris. Т. 2. Р. 152–153.

¹⁹ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Голландии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 616.

²⁰ В петровском «путеводителе»: «Пляца королевская в Париже, которая зачата в 1604 году повелением Гендрика 4 и совершена несколько времени спустя

площадь Вогезов), застроенной еще по указу Генриха IV в 1605—1608 годах. Тогда впервые была реализована идея современного города — элегантного и безопасного. Площадь окружена 36 павильонами с одинаковыми фасадами из кирпича и камня с высокими крышами, снабженными слуховыми окнами. На уровне цокольного этажа павильоны объединены аркадой.

В центре площади в 1639 году (при жизни короля) была установлена бронзовая конная статуя Людовика XIII в образе римского императора. Скульптура коня, изготовленная итальянцем Р. да Вольтерра, была получена в качестве приданого Екатерины Медичи, а фигуру короля много позже сделал французский скульптор П. Биар (Pierre Biard le Jeune, 1592—1661)²¹. Пожалуй, именно королевская статуя привлекла главное внимание русского царя в 1717 году. Петр обошел площадь и рассмотрел статую, на пьедестале которой были выбиты велеречивые надписи в честь «Людовика Справедливого». Весь внутренний двор площади в то время был обнесён железной решеткой, по замечанию современника, «совершенно бесполезной», а центр площади еще не был засажен деревьями.

Потом царь посетил овальную площадь Побед в квартале Сен-Рок («пляца зовомыя виктории»), построенную около 1686 года по проекту знаменитого архитектора Ж. Ардуэна-Мансара (Jules Hardouin-Mansart, 1646—1708) как обрамление для статуи Людовика XIV. Скульптор М. Дежарден (Martin Desjardins, 1637—1694) изобразил пешую фигуру короля, облаченного в коронационные одежды; за ним на земном шаре возвышалась аллегория Победы, венчающая королевскую голову лавровым венком; в другой руке она держала пальмовую и оливковую ветви. Ногами король попирает трехглавого Цербера. На пьедестале были укреплены барельефы, прославляющие победы Людовика. По углам пьедестала находились фигуры скованных рабов. Все бронзовые фигуры памятника были позолочены²². «Памятник целиком позолочен, чтобы он был блестящим и заметным издалека, и это придаёт ему очень пышный вид, который не удовлетворяет людей с хорошим вкусом»²³, — отмечал автор парижского путеводителя 1717 года.

Петру показали и площадь Людовика Великого (ныне Вандомская площадь), устроенную в 1685 году в западной части правобережного Парижа. В центре площади возвышалась колоссальная

<...> статуя дела Даниеля Волтера поставлена в сем месте в 1639 году» — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 121—21 об.

²¹ Статуя была разрушена во время Революции и заменена мраморной копией в 1829 году.

²² Памятник был разрушен во время Революции и заменен в 1822 году эффектной конной статуей короля-солнца работы скульптора Бозио.

²³ Brice G. Description de la ville de Paris. Т. 1. Р. 302.

конная статуя работы скульптора Ф. Жирардона (François Girardon, 1628—1715), представляющая Людовика XIV в одежде античного героя, сидящего на лошади без седла и стремян. Архитектор Ардун-Мансар проектировал элегантные фасады, которые окружили восьмиугольную площадь. Высокие крыши зданий были украшены слуховыми окнами-люкарнами. Второй и третий этажи объединены пилястрами коринфского ордера. Нижний этаж устроен в виде закрытой аркады. Царь внимательно читал латинские надписи на пьедесталах всех статуй и делал зарисовки.

Позже Пётр посетил еще одну регулярную площадь города — площадь Дофина (1607—1610), которая примыкала к Новому мосту и была тогда замкнута с трех сторон. На мосту находился конный памятник Генриху IV (1634). В петровском «путеводителе» содержалось её описание: «Пляца Нового моста (Дофинова), которого середина есть у мыса Полатного острова, где поставлена статуа верховая медная Генрика Великого, которая сделана во Флоренции в 1615 году<...>»²⁴.

Побывав на центральных площадях Парижа, Пётр I познакомился с лучшими образцами регулярного градостроительства того времени и обратил внимание на своеобразие французской архитектуры. Но особенно его привлекли конные монументы, ведь в это время им уже была заказана скульптору Б.К. Растрелли собственная конная статуя в память о победах русских войск над шведами (современники будут сравнивать ее со статуей Людовика XIV работы Жирардона)²⁵.

За полтора месяца пребывания во французской столице Пётр познакомился со всеми её выдающимися архитектурными достопримечательностями. Царь много раз бывал в Лувре («двор королевской зовомой Лювр») и примыкавшем к нему дворце Тюильри, который был тогда резиденцией юного Людовика XV. После того, как король-солнце покинул Лувр ради Версаля, громадный недостроенный дворец находился не в лучшем состоянии. Здесь размещались многочисленные учреждения: Королевская академия наук, Французская академия, Королевские академии живописи и архитектуры, Королевская академия надписей и медалей, Королевская типография. Нижний этаж Большой галереи Лувра занимали Монетный двор, а также мастерские скульпторов, художников, ремесленников. Лувр²⁶, Тюильри, Пале-Рояль²⁷, Люксембургский дворец

²⁴ ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 5 об; см. также Л. 18.

²⁵ Петров В.Н. Конная статуя Петра I работы Растрелли // Очерки и исследования. М., 1978. С. 33.

²⁶ «Дворец Лювр почел приходить в форму легулярную в 1528-м году при короле Франциске». — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 10 об.

²⁷ Петровский «путеводитель» пояснял: «Полаты королевския вначале носили прозвание полаты кардиналские, понеже кардинал Ришелью во время счастья

(«полаты орлеановы, которые называются Люксембурх») были памятниками ренессансной архитектуры, которая уже не воспринималась как современная и не могла служить образцом для подражания. Царь мог обратить внимание на попытки их перестройки в духе классицизма (знаменитая восточная колоннада Лувра была тогда еще не окончена). Сад Тюильри, как и другие «королевские огороды», вызывал живой интерес у русского гостя, неоднократно прогуливавшегося здесь²⁸. Знаменитый садовый архитектор А. Ленотр (André Le Nôtre, 1613–1700) превратил Тюильри в образцовый французский регулярный сад: была проложена главная аллея с большими бассейнами, которые должны были украшать статуи и вазы. Хотя оформление сада не было закончено, парижане гордились им:

«По свидетельству тех, кто видел разные страны, сад Тюильри, безусловно — одно из лучших мест для прогулок во всей Европе и в том состоянии, в котором он находится сейчас, хотя он не украшен еще фонтанами и статуями, как это должно быть в соответствии с предложенным проектом <...> Большой партер, находящийся со стороны дворца, разделен на несколько участков и прорезан аллеями, которые ведут к главным входам; самые лучшие цветы каждого сезона обязательно представлены здесь; вечнозеленые кусты составляют бордюры, окружающие самшитовые кусты в узорных клумбах-бродери»²⁹.

Но еще большее любопытство, чем сад, вызвал у него строящийся рядом разводной мост. Как заметил С.Б. Горбатенко, «строительство технического сооружения привлекло внимание Петра, по крайней мере, не меньше, чем эстетика великолепного регулярного сада»³⁰.

Посещая научно-просветительские учреждения Парижа, Пётр I не мог не обратить внимания на то, что они располагают прекрасными зданиями. Украшением столицы был Коллеж Мазарини («школа Мазаринова», «школа четырех народов») — великолепное здание с издалека заметным куполом расположено на левом берегу Сены, на одной оси с Квадратным двором Лувра, в квартале Сен-Жермен. Еще дипломат петровского времени А.А. Матвеев отмечал «изрядное» место и «веселый» вид постройки. Коллеж был соору-

своего министерства велел их сделать, а при смерти оставил их королю Людовику 13 <...>» — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 11.

²⁸ В петровском «путеводителе» содержался «План саду у палат Тюлерииских инвенции господина Нотре» и его подробное описание. — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 7 об.—8.

²⁹ Brice G. Description de la ville de Paris. Т. 1. Р. 131–132.

³⁰ Горбатенко С.Б. Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 76.

жен в 1665–1683 годах по завещанию и на средства кардинала Мазарини по проекту архитектора Л. Лево (Louis Le Vau, ок. 1612–1670) на месте знаменитой прежде Нельской башни. Центральный корпус с колонным портиком, фронтоном и куполом, барабан которого украшен гербом Мазарини, первоначально являлся церковью, в которой находилась гробница кардинала (скульптор А. Куазевокс³¹, 1689). Дугообразные крылья эффектно устроенные в духе римского барокко XVII в., а также два симметрично расположенных павильона, увенчанных высокими крышами, занимало учебное заведение, в котором должны были обучаться 60 учеников — выходцев из дворян недавно присоединенных к Франции провинций (Эльзаса, Фландрии, Пинероля, Франш-Конте и Руссильона).

Побывал царь и в Сорбонне («собрании ученых людей в богословии»), здания которой были реконструированы при кардинале Ришелье. До наших дней из зданий, которые видел русский царь, сохранилась лишь церковь, возведенная архитектором Ж. Лемерсье (Jacques Lemercier, ок. 1585–1654) в 1635–1653 годах по образцу барочных построек Рима. Её нарядный фасад украшен колоннами, пилястрами, скульптурой. Здание увенчано изящным куполом. В трансепте церкви находилась гробница кардинала Ришелье (1694, скульптор Ф. Жирардон по проекту Ш. Лебрена³²), которую показали русскому царю.

Настоящим дворцом науки была Парижская обсерватория, которую русский гость посетил трижды³³. Она была построена в 1672 году по проекту известного архитектора К. Перро (Claude Perrault, 1613–1688) на окраине предместья Сен-Жак. Сохранившееся до наших дней здание Обсерватории является шедевром архитектуры французского классицизма XVII века.

Архитектурный ансамбль Дома Инвалидов («Двор Марсов или инвалидов»), включающий Собор-усыпальницу, церковь св. Людовика и Приют для инвалидов, который царь посетил 16 мая, был, можно сказать, самой грандиозной новостройкой Парижа, располагавшейся на окраине города. Здание приюта для раненых солдат-инвалидов было построено по указу Людовика XIV архитектором Л. Брюаном (Liberal Bruant, 1635–1697) в 1671–1676 годах. Церковные здания являлись творениями Ж. Ардуэна-Мансара, работавшего здесь в 1679–1708 годах. Огромная площадь-эспланада, про-

³¹ Antoine Charles Coysevox, 1640–1720.

³² Charles Le Brun, 1619–1690.

³³ В петровском «путеводителе» значился «опсерватуар или место, где опсервуют планеты небесные, которое строение король зачел в 1667 году на высоком месте в конце посада Санкта Иякова». — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 29.

тянувшаяся до Сены, создавалась в 1704—1720 годах. Четырёхэтажный фасад, выходящий на эспланаду, фланкируется двумя ризалитами с фигурными фронтонами, а в центре имеет портал в виде триумфальной арки с барельефным изображением Людовика XIV на коне между аллегориями Справедливости и Благоразумия. Парадный внутренний двор с четырех сторон окружен двухъярусными арочными галереями. Напротив главного входа во двор расположен портик солдатской церкви св. Людовика. Весь комплекс зданий имел в начале XVIII века 12 дворов. Доминантой архитектурного ансамбля является собор-усыпальница, главный фасад которого украшен колоннадой двойного ордера и фронтоном. Мощный барабан собора с двумя рядами окон, сдвоенными колоннами и волютами увенчан куполом, украшенным золочеными гирляндами и цветами. Шпиль собора возносится на высоту 107 м. Этот памятник военной славы Людовика XIV и его солдат не мог оставить равнодушным героя Полтавы.

Из старинных достопримечательностей Парижа царь посетил шедевр готической архитектуры Собор Парижской Богоматери, находящийся на острове Сите. Собор был окружен со всех сторон ветхими средневековыми постройками, лишь у его западного фасада имелась крошечная площадь-паперть. Поднимался Петр и на башни собора, откуда рассматривал Париж в подзорную трубу. Там же, на острове Сите, царь побывал в Парижском парламенте — высшем суде королевства. Его здания, унаследованные от старого королевского дворца, сохраняли в начале XVIII века свой средневековый облик.

Первого июня 1717 года царь проплыл на лодке под всеми мостами Парижа. Сена была тогда важнейшей транспортной артерией и изобиловала судами различных типов. Выйдя из лодки у ворот Конферанс, царь пересел в карету и проехал по городскому валу, превращенному в бульвар для прогулок; затем он приобрёл у пиротехника большое количество ракет и петард, которые сам запускал в саду отеля Ледигьер.

Еще до поездки во Францию Пётр I рассматривал гравюры с изображением парижских достопримечательностей. В частности, в распоряжении царя был сборник из 48 гравюр, изданных Жаном Мариеттом (Jean Mariette, 1654—1742) под названием «L'Architecture Française...», включающий планы и фасады парижских дворцов и особняков. В него входят серия из семи гравюр с чертежами типовых домов по проектам Ж. Ардуна-Мансара, а также серия чертежей отеля Клермон по проекту Ж.Б.А. Леблона, чертежи замка Исси, отелей Овернь, Лорж, Демаре, особняка мадам де Варанжевиль, то есть лучших образцов строгого стиля конца правления Людовика XIV. Как смело утверждает

И.В. Хмелевских, в архитектуре петровского времени «этот стиль скопирован до мелочей: та же обработка фасадов рустованными лопатками, оформление окон наличниками в форме простой рамы с замковым камнем и филёнками, те же высокие мансардные крыши “с переломом на немецкий манир”»³⁴

Царь радовался приглашению на русскую службу известного архитектора Жана Батиста Александра Леблона (Jean Baptiste Alexandre Le Blond, 1679—1719), с которым встретился в начале своего путешествия по Европе, и писал А.Д. Меншикову 11 июня 1716 года: «на сих днях приехал сюды Конон Зотов и привез с собою из Франции славного архитектура и механика Леблона и протчих мастеровых, которые приняли нашу службу, и оных на сих днях к вам отправим сухим путем»³⁵. По-видимому, общение с французским архитектором доставило удовлетворение царю, который снабдил Леблона следующим письмом к Меншикову от 22 июня:

«Мейн фронт. Доносителя сего господина Леблона примите приятно и по его контракту удовольствуйте, ибо сей мастер есть из лутчих в свете и прямою диковинкою есть, как я и в краткое время мог его рассмотреть. К тому ж не лениф и доброй гуморы (от фр. *bonne humeur* — хорошее настроение, нрав. — *С.М.*) есть человек, также кредит великий имеет в мастеровых во Франции. Кого надобно через его достать можем. И того ради объяви всем архитекам, чтоб все дела, которые внофь начинать будут, чтоб без его потписи на чертежах не строили, также и старое, что мочно, еще исправить»³⁶.

Как видно, царь связывал с Леблоном большие надежды в деле строительства Петербурга и загородных резиденций. В письмах из Франции царь заботился об отправке в Россию из Гавра французских мастеров: «сто человек мастеровых мужеска и женска полу», а с ними «сто урнов ценинных [или горшков], в которые ставятца померанцовыя деревья и протчия цветы; десятков шесть или семь плит мраморовых, которые употребляютца в полатах на полы»³⁷. Меншикову царь пишет: французских мастеров «примите <...> лас-

³⁴ Хмелевских И.В. Сборник «L'Architectue Françoise...» из библиотеки Петра Великого // Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практической конференции «Золотой век французской книги в России (4–8 апреля 2012 года) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 августа 2012 года). Сельцо Михайловское, 2013. С. 94.

³⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. № 81. Л. 613.

³⁶ Там же. Л. 630.

³⁷ Там же. № 85. Л. 465.

ково, и чтоб не скитались»³⁸. Однако в письмах царя отсутствуют отсылки об увиденном в Париже.

О парижских впечатлениях царя в целом писал герцог Сен-Симон в своих мемуарах: Петра I «крайне поразила роскошь, которую он видел; ему очень по сердцу пришлись и король и Франция, и он с горечью сказал, что роскошь вскоре погубит Францию. Уезжал он, *восхищенный оказанным ему приемом, всем, что увидел* (курсив мой. — С.М.), свободой, которую ему предоставляли, и с великим желанием установить тесный союз с королем <...>»³⁹. Другие источники подтверждают слова мемуариста об очаровании царя маленьким королем, о жадном желании видеть парижские достопримечательности, о стремлении установить союз с Францией. Роскошь французской столицы не могла не броситься царю в глаза, особенно по сравнению с бедностью простого населения, отмеченной им по дороге в Париж.

Сходные впечатления зафиксированы в «Рассказах» А.А. Нартова: царь якобы сказал при отъезде из Парижа «Жалею, что домашние обстоятельства принуждают меня так скоро оставить то место, где науки и искусства цветут, и жалею при том, что город сей рано или поздно от роскоши и необузданности претерпит великий вред, а от смрада вымрет»⁴⁰. «Париж воняет»⁴¹, — якобы заключил русский царь, по сообщению того же Нартова. На первый взгляд, может показаться, что «речи», приведенные Нартовым, являются независимым подтверждением высказываний Сен-Симона. На самом же деле, они являются литературным вымыслом второй половины XVIII века, опирающимся на иностранные источники. Жалобы на грязь и зловоние в Париже были почти обязательными в записках путешественников, особенно во второй половине XVIII века. Несмотря на существование специальных служб по уборке мусора и нечистот и строгие запреты властей, парижане никак не хотели избавляться от привычки выливать на улицу содержание ночных горшков⁴². Заостренные характеристики французских нравов и парижской «вони» в сочинении А.А. Нартова отражали не

³⁸ Там же. Л. 504.

³⁹ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 371.

⁴⁰ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 311.

⁴¹ Там же. С. 273.

⁴² См.: Мильчина В.А., Плавинская Н.Ю. Парижские ароматы эпохи Просвещения и Романтизма // Отечественные записки. 2007. № 2 (35). С. 178–193.

реалии петровского времени, а борьбу русской интеллигенции конца XVIII века с распространившейся в обществе галломанией.

Конечно, не все во французской культуре и в частности в архитектуре восхищало Петра, было им понято и принято. Об этом свидетельствует, например, написанное еще до приезда в Париж письмо с отзывом об архитектурных проектах Леблона, который, по словам царя, не учитывал, что «у нас не французский климат»⁴³. Единственный прямой отзыв о французской архитектуре содержится в письме царя архитектору И.К. Коробову 7 ноября 1724 года. Царь отказал ему в просьбе переехать из Голландии во Францию и в Италию «для практики архитектуры цивилис»: «Во Франции я сам был, где никакой архитектуры нет и не любят, но толко глатко и просто и очень толсто строят, и все из камня, а не из кирпича (понеже везде камень есть)». Далее Пётр писал, что французские и итальянские постройки не сходны с русскими условиями: «но в обоих сих местах строение здешней ситуации противные места, и нет сходнее Голандии»⁴⁴. В данном случае царь имел в виду не только сходство климатических условий. Кажется, он верно уловил черты классицистической простоты в архитектуре Франции, точно подметил, что мода на кирпичные постройки в Париже прошла. Возможно, он считал, что архитектура должна быть более украшенной. Но скорее всего Пётр-прагматик здесь просто подчинял эстетику практической пользе.

О прямом влиянии парижских архитектурных впечатлений Петра I на строительство Петербурга можно говорить лишь предположительно. Однако трудно удержаться от констатации этого влияния в опосредованном виде в исторической перспективе, памятуя о том, что на берегах Невы вырос город, открытый к реке, с чудесными береговыми панорамами, с площадями, обрамляющими памятники царям, с сочетанием горизонтальной застройки улиц «единой фасадой» с вертикалями шпилей и куполов, с садами, как в петровской мечте: «не хуже, чем у французского короля». Как заметил писатель Жан Бло, «через Идеал Франция присутствует в Петербурге»⁴⁵.

⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. № 84. Л. 372.

⁴⁴ Там же. № 107. Л. 404.

⁴⁵ Бло Ж. Франция и французы в Санкт-Петербурге // Франция и французы в Санкт-Петербурге XVIII—XX вв.: Материалы коллоквиума. СПб., 2005. С. 161.